

Литовскія Вѣдомости

Выходятъ по Воскресеньямъ. Годъ тридцать первый. 29-го Августа 1893 года.

Подписная цѣна съ пересылкою за годъ 5 рублей.
Отдѣльные №№ Литовскихъ Епарх. Вѣдом. за прошедшіе годы и за настоящій 1893 годъ по 10 коп. (марками).
Подписка принимается въ г. Вильнѣ, въ Редакціи Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

№ 35.

При печатаніи объявленій, за каждую строку или мѣсто строки взимается:
за одинъ разъ 10 коп.
за два раза 15 „
за три раза 20 „

Содержаніе № 35.

Дѣйствія правительства. Именной Высочайшій указъ Св. Правительствующему Синоду. Высочайшій рескриптъ. Мѣстные распоряженія. (Къ свѣдѣнію и неуклонному исполненію). Увольненіе и перемѣщеніе. Мѣстные извѣстія. Пожертвованіе. Архіерейскія служенія. Неофициальный отдѣлъ. Труды IX Виленскаго Археологическаго Сѣзда. Первый православный храмъ въ центрѣ Жмуди.

Дѣйствія Правительства.

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ

Святѣйшему Правительствующему Синоду.

Архіепископу Херсонскому и Одесскому Сергію Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть Митрополитомъ Московскимъ и Коломенскимъ, Стяго-Троицкія Сергіевы Лавры священно-архимандритомъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„АЛЕКСАНДРЪ“.

Въ Петергофѣ.
9-го августа 1893 г.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ.

Пресвященнѣйшій Митрополитъ Московскій Сергій.

Всевышнейю волею пресвященнѣйшій Митрополитъ Леонцій, послѣ дѣловременной болѣзни, мирно отошелъ ко Господу. Въ заботѣ объ избраніи преемника почившему святителю, принявъ во вниманіе пройденное вами архипастырское служеніе, Я призналъ за благо вѣрить вамъ управленіе Московскою епархіею, съ возведеніемъ васъ въ санъ Митрополита. Многолѣтнее, благоплодное для церкви святительское служеніе ваше подаетъ Мнѣ несомнѣнную надежду, что вы какъ ближайшій свидѣтель трудовъ и подвиговъ приснопамятнаго Митрополита Филарета, шествуя по стопамъ великаго ревнителя православія и благочинія церковнаго, окажете себя на семъ высшемъ поприщѣ священнаго служенія достойнымъ преемникомъ доблестныхъ іерарховъ первопрестольной столицы, мудрымъ руководителемъ духовенства въ дѣлѣ пастырскаго служенія его въ церкви и школахъ и рев-

ностнымъ охранителемъ древнихъ церковныхъ уставовъ, какъ дороги и любезны православному русскому народу. Да поможетъ вамъ благодатно Господь въ предстоящихъ новыхъ священныхъ подвигахъ.

Препровождая къ вамъ бѣлый клубокъ и шарочка Себя молитвамъ вашимъ, пребываю къ вамъ благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„АЛЕКСАНДРЪ“

Въ Петергофѣ.
9 августа 1893 г.

Мѣстные Распоряженія.

(Къ свѣдѣнію и неуклонному исполненію).

Его Высокопреосвященство Донатъ, Архіепископъ Литовскій и Виленскій, предложеніемъ отъ 23 сего августа за № 2211, поручилъ Консисторіи предписать духовенству по установленію совершать молитвы за богослуженіями по случаю безведрія.

— 18 августа уволенъ, согласно прошенію, по преклонности лѣтъ, исаомщикъ Ятвѣской церкви, Гродненскаго уѣзда, Каверій Доминиковскій, а на его мѣсто назначенъ сынъ его, сверхштатный послушникъ Гродненскаго Борисоглѣбскаго монастыря Николай Доминиковскій.

— 22 августа на вакантное мѣсто исаомщика при Виленскомъ Пречистенскомъ соборѣ перемѣщенъ, согласно прошенію, исаомщикъ Троцкой церкви Григорій Банковскій.

— 22 августа взаимно перемещены, согласно прошеніямъ, исаомщики; Виленскаго Пречистенскаго собора Павелъ Голенкевичъ и Гелванской церкви, Виленскаго уѣзда, Андроникъ Ѳедоровъ.

— 24 августа взаимно перемѣщены, согласно прошенію, исаомщики церквей: Ольшевской, Слонимскаго уѣзда, Антоній Долбенскій и Рыболовской, Вѣльскаго уѣзда, Николай Кадлубовскій.

Мѣстные извѣстія.

— **Пожертвованіе.** Въ іюль сего года отъ капитана Александра Костина въ Видзскую церковь, Новоалександровскаго уѣзда на нужды оной пожертвованы двѣсти руб.

— **Архіерейскія служенія.** 22 сего августа Его Высочайшее Пресвященство изволило совершить божественную литургію въ большой церкви Св. Духова монастыря, въ сослуженіи о. памѣтника архимандрита Нестора и братіи монастыря.

— Съ 1-го по 10-е сентября **открывается** въ Вильнѣ **сельско-хозяйственная выставка.**

— При этомъ № разсылается *оглавленіе Лит. Еп. Вѣд. за 1892 г.*

Неоффициальный отдѣлъ.

Труды IX Виленскаго Археологическаго Съѣзда.

Было-бы непростительной ошибкой съ нашей стороны пройти молчаніемъ о трудахъ бывшаго въ Вильнѣ (1—14 августа) Археологическаго съѣзда. Одно уже то обстоятельство, что Вильна, какъ центръ жизни Северо-Западнаго края, видѣла въ своихъ стѣнахъ цвѣтъ русскихъ ученыхъ свѣль, людей по преимуществу науки, собравшихся со всѣхъ сторонъ нашего отечества, и даже изъ заграницы, и двѣ недѣли трудившихся надъ выясненіемъ разныхъ сторонъ обширной области археологіи и исторіи, прочитавшихъ до 80 слишкомъ рефератовъ, коснувшихся старины и историческихъ судебъ нашей окраины, побуждаетъ насъ познакомить читателей по преимуществу съ тѣми вопросами, какъ на съѣздѣ тою или другою стороною касались минувшихъ судебъ нашей мѣстной церкви, нашей исторіи и вообще полного научнаго интереса, не распространяясь болѣе общихъ вопросахъ, бывшихъ предметомъ сужденій съѣзда. Это заняло-бы много мѣста. Располагая напечатанными бюлетенями съѣзда, отчетомъ, печатавшимся въ Виленскомъ Вѣстникѣ и нашими личными замѣтками и впечатлѣніями, мы приступаемъ къ дѣлу.

2-го августа, въ актовомъ залѣ 1 гимназіи состоялось **первое общее засѣданіе IX археологическаго съѣзда.** Предсѣдательствовалъ Ю. О. Крачковскій. Засѣданіе открылось чтеніемъ заграничной телеграммы отъ члена министерства народнаго просвѣщенія (б. попечителя Виленскаго уч. округа) И. П. Корнилова, приславшаго свое „сердечное привѣтствіе предсѣдателю съѣзда, почтеннымъ ученымъ и любителямъ родной старины“.

Затѣмъ, на кафедрѣ взошелъ баронъ де-Вай и, въ качествѣ делегата отъ „общества антикваріевъ во Франціи и французской ассоціаціи для развитія наукъ“, и произнесъ на французскомъ языкѣ тѣсную привѣтственную рѣчь съѣзду и его главнымъ руководителямъ: почетному предсѣдателю Великому Князю Сергію Александровичу и предсѣдателю графинѣ П. С. Уваровой. Рѣчь барона была покрыта горячими аплодисментами.

Французскаго делегата съѣзда на кафедрѣ смѣнилъ депутатъ отъ московскаго архива министерства юстиціи В. Н. Сторожковъ, выступившій съ рефератомъ, подъ заглавіемъ: „московское управленіе въ Вильнѣ въ XVII вѣкѣ“. Помѣнью реферата, довольно значительный матеріалъ для исторіи поль-

скихъ войнъ двухъ первыхъ царей изъ дома Романовыхъ находится въ „разрядныхъ столбцахъ“, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, подъ не совсѣмъ точною рубрикою „столбцовъ московскаго стола разряда“ и разбираемыхъ въ настоящее время для академическаго изданія „акты московскаго государства“. Первый томъ этого изданія вышелъ еще въ 1890 г., второй появится въ началѣ будущаго года. Въ составъ втораго тома, между прочимъ, войдетъ серія актовъ, касающихся исторіи пребыванія Вильны въ рукахъ московскаго правительсва XVII вѣка и воеводскаго управленія въ ней князя М. С. Шаховскаго, и въ частности военныхъ дѣйствій въ виленскомъ повѣтѣ и виленскаго посольскаго съѣзда. Акты представляютъ собою рядъ донесеній виленскаго воеводы московскому правительству („отписки“) и отвѣтныхъ на нихъ или самостоятельныхъ указныхъ грамотъ. По словамъ референта, послѣднія не даютъ матеріала для полной характеристики дѣятельности московскаго воеводы въ Вильнѣ князя М. С. Шаховскаго; но, представляя, все-таки, собою самостоятельный мѣстный интересъ, приобщаются особенную цѣнность, при сопоставленіи ихъ съ другими актами подобнаго рода, такъ какъ выясняютъ направленіе и характеръ политики московскаго правительства на процессъ округленія границъ московскаго государства. Названные акты обнаруживаютъ страстное желаніе московскаго правительства удержать за собою Литву и Жмудь, такъ что „приведеніе къ вѣрѣ на царское имя“ мѣстнаго населенія должно было составить предметъ особенныхъ попеченій виленскаго воеводы; онъ долженъ былъ всячески привлекать сторонниковъ Москвы и, въ общемъ, строго держаться мѣрь примирительныхъ, гуманныхъ и отнюдь не репрессивныхъ. Эти сношенія съ мѣстнымъ населеніемъ и отдѣльными, особенно извѣстными лицами давали виленскому воеводѣ матеріалъ для донесеній о польскихъ, литовскихъ, шведскихъ и жмудскихъ вѣстяхъ, которыхъ такъ жаждало московское правительство.

Второе съ чѣмъ приходилось считаться виленскому воеводѣ въ разныхъ случаяхъ, — сборъ хлѣбныхъ запасовъ и денежныхъ доходовъ. Продовольственное дѣло, защита города, разрѣшеніе разнаго рода казусовъ гражданскаго и уголовнаго порядковъ, вопросы хозяйственной администраціи, словомъ — все, что только можно себѣ представить, составляло предметъ вѣдомства виленскаго воеводы, крайне ограниченнаго своимъ докладомъ Государю и страхомъ жалобы на него со стороны мѣстнаго населенія, такъ что о самостоятельности воеводской власти въ Вильнѣ можно говорить слишкомъ условно. Попутно акты сообщаютъ, говорилъ референтъ, интересныя данныя о состояніи русскаго войска и разореніи страны.

Въ заключеніе своего доклада, референтъ сдѣлалъ выводъ, что для изученія такого любопытнаго эпизода изъ исторіи первой польской войны царя Алексея Михайловича, какъ пребываніе Вильны въ рукахъ московскаго правительства XVII в., много помогло-бы подлинное дѣлопроизводство воеводскаго управленія, князя М. С. Шаховскаго въ Вильнѣ. Докладчику извѣстенъ, по его словамъ, одинъ документъ, косвенно относящійся къ дѣлопроизводству воеводскаго управленія, можетъ быть интересны для исторіи г. Вильны и не вошедшій во второй томъ „Актовъ Московскаго Государства, это — „книги приходныхъ каменниныхъ“ 1658 года по гор. Вильнѣ (книги эти называются „каменниными“ потому что въ нихъ записывались доходы отъ сдачи въ аренду, „на откупъ“ каменныхъ зданій города).

Свой рефератъ докладчикъ иллюстрировалъ массою частныхъ фактовъ, заимствованныхъ изъ архивныхъ матеріаловъ.

Въ качествѣ оппонента докладчику г. Сторожеву выступилъ членъ виленской археологической комиссіи Флав. Ник. Добрянскій и сдѣлалъ дополненіе, что въ книгахъ Виленскаго Градскаго суда, хранящихся въ Виленскомъ Центральномъ Архивѣ, находятся документы, поясняющіе условія, при которыхъ мѣстные жители давали присягу на вѣрность московскому Царю и почему эта присяга была непрочна. Оказывается, что польское правительство разсылало агентовъ, убѣждавшихъ населеніе давать притворную присягу. Однимъ изъ такихъ агентовъ въ 1659 году былъ „Защитъ нащъ“ Деялтовскій, дѣятельность котораго въ Ошмянскомъ повѣтѣ была раскрыта доносомъ Рогинскаго коменданту Вильны Мышецкому; послѣдній схватилъ и казнилъ Деялтовскаго. Ф. Н. Добрянскій сообщилъ также, что въ тѣхъ же документахъ есть данныя, рисующія мирныя частныя отношенія между пришлыми московскими людьми и мѣстнымъ населеніемъ; въ примѣръ такихъ мирныхъ связей г. Добрянскій разсказалъ дѣло о женитьбѣ полковника Льва Сытина.

2. Слѣдующимъ по порядку референтомъ выступилъ депутатъ съѣзда отъ Императорскаго варшавскаго университета проф. А. И. Павинскій съ своимъ рефератомъ: „О подляшскомъ воеводствѣ XVI в. въ географическомъ и статистическомъ отношеніи“. Почтенный ученый выяснилъ значеніе географическаго элемента въ современной исторической наукѣ, при научномъ воспроизведеніи прошлаго извѣстной „исторической индивидуальности“, и отмѣтилъ пробѣлы и недѣлности географической программы въ современной наукѣ. Референтъ выдвинулъ вопросъ объ измѣреніи площади той или другой исторической территоріи на протяженіи ея медленнаго историческаго развитія и предложилъ способъ измѣренія площади геометрической фигуры на географической картѣ, при посредствѣ особаго механическаго прибора, называемаго „планиметромъ Амслера“. Въ качествѣ матеріаловъ для подобнаго рода измѣренія, нашему ученому послужилъ историческая площадь, занимаемая подляшскимъ воеводствомъ въ XVI столѣтіи, игравшимъ столь видную роль въ историко-политическихъ судьбахъ Северо-Западнаго края. Матеріалами-же для изученія подляскаго воеводства въ статистическомъ отношеніи послужили „подымные списки“ XVI в., изданія виленской археологической комиссіи и др. официальные актовые источники.

Въ заключеніе географической части реферата сообщены были главные выводы относительно территоріи подляскаго воеводства. Разъяснивъ значеніе статистическаго метода и оцѣнивъ труды другихъ ученыхъ, референтъ сообщилъ о народонаселеніи подляшья и поземельной собственности въ этой землѣ, приведя числовыя данныя. Среднее число народонаселенія подляшья въ XVI вѣкѣ простиралось до 164,000 душъ. Въ заключеніе референтъ сдѣлалъ общій выводъ, что, примѣняя между прочимъ методъ географической и статистической, историческая наука съумѣетъ отстоять за собой значеніе науки настоящей.

По новоду доклада проф. Павинскаго священникъ Левъ Паевскій заявилъ о важности точныхъ и безпристрастныхъ изслѣдованій относительно подляшской земли, какъ важнаго боевого пункта въ національной и религіозной борьбѣ Западной Руси. По примѣру покойнаго Е. М. Крыжановскаго, о. Паевскій находить болѣе правильнымъ называть эту „землю“ не *Подляшье*, а *Подлясье*, оставивъ это имя въ

связь со словомъ *лясь*—*лѣсь*, а не *ляхь*-*поляхь*. Подробное указаніе границъ подляшской земли, къ которому затѣмъ приступилъ оппонентъ видимо уклоняло его отъ главнаго предмета, а потому предсѣдатель собранія предложилъ о. Паевскому представить свое возраженіе въ видѣ особаго доклада.

Подполковникъ Гиршфельдъ, сотрудникъ по нѣкоторымъ работамъ ген. Стрѣльбицкаго, указалъ на примѣненіе имъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ для вычисленія площади данной территоріи бѣлѣ простаго инструмента, — такъ называемой планшетки, стеклянной пластинки, точно раздѣленной на квадратные сантиметры, которая накладывается на карту.

Профессоръ А. И. Маркевичъ замѣтилъ, что для точности вычисленій слѣдуетъ прибѣгать къ такъ называемой въ геодези системѣ координатъ.

Профессоръ О. И. Успенскій сочувственно привѣтствовалъ примѣненіе къ славянской и русской исторіи того метода, который въ трудахъ Герара, Штернегга и др. привелъ къ замѣчательнымъ результатамъ по экономической и соціальной западно-европейской исторіи средних вѣковъ. Затѣмъ выразилъ мысль, что примѣненіе аппарата г. Павинскаго даетъ въ результатъ совмѣстно съ географическими и данныя статистическія, значеніе которыхъ настойчиво старался отрицать самъ референтъ.

Въ своемъ отвѣтѣ профессоръ Павинскій, поблагодаривъ оппонентовъ за вниманіе къ его реферату, сообщилъ относительно своихъ вычисленій территоріи при посредствѣ инструмента Амслера, что они провѣрялись инженеромъ Мерчингомъ и математикомъ Климомъ и оказались вполнѣ точными. По вопросу о названіяхъ Подляшья и Подлясье проф. Павинскій заявилъ, что историка, замѣчающаго и преслѣдующаго болѣе общія цѣли, подобные вопросы не могутъ занимать, и онъ лично предоставляетъ ихъ филологамъ. По вопросу о матеріалахъ для своихъ географическихъ и статистическихъ выводовъ проф. Павинскій пояснилъ, что въ основу изслѣдованія положены имъ исключительно официальные документы (подробно имъ перечисленные), и субъективныя мнѣнія авторовъ той или другой брошюры и книги для него въ этомъ случаѣ не имѣютъ никакого значенія.

3. Профессоръ Новороссійскаго университета Ал. И. Маркевичъ сообщилъ рефератъ: „Къ вопросу о народахъ, живущихъ въ древнее время въ Черноморьи“.

Засѣданіе III отдѣленія, 3-го августа, въ 10 ч. утра, почетный предсѣдатель Д. И. Иловайскій, предсѣдатель Н. В. Покровскій и секретарь О. В. Покровскій.

Докладъ академика-архитектора В. В. Суслова и профессора Н. В. Покровскаго о Спасо-Преображенскомъ соборѣ въ Мирожскомъ монастырѣ въ г. Псковѣ.

В. В. Сусловъ, представивъ вниманію съѣзда копіи (въ натуральную величину) съ открытыхъ имъ фресокъ Мирожскаго храма, ознакомилъ собраніе прежде всего съ архитектурной стороною памятника. При выемкѣ позднѣйшихъ половъ, подъ ними былъ обнаруженъ г. Сусловымъ древній полъ и сѣдалище въ главной абсидѣ. Затѣмъ, при отбивкѣ вѣшней штукатурки, имъ найдены всѣ позднѣйшія подкладки, задѣлки древнихъ оконъ, очертанія первоначальныхъ архитектурныхъ формъ и масса другихъ данныхъ, по которымъ референтъ уяснилъ первобытный видъ собора,

относящагося къ XII ст. Типъ храма оказался совершенно сходнымъ съ греко-византійскими церквами IX—XI ст. — Переходя къ объясненію расположенія иконописныхъ сюжетовъ, докладчикъ сначала указалъ на современное ветхое положеніе какъ стѣнъ и сводовъ собора, такъ и фресковой живописи. Излагая перечень сюжетовъ, г. Сусловъ тутъ же указывалъ и на кони съ фресковъ, сдѣланныя подъ его наблюденіемъ. Въ заключеніе имъ былъ высказанъ взглядъ на обстоятельства, при которыхъ вообще на Руси велось наше иконографическое дѣло. Затѣмъ, указавъ на характеръ западной живописи, докладчикъ отмѣтилъ нѣкоторые недостатки и достоинства нашей древней религиозной иконописи.

Г. Покровскій детально и весьма живо объяснилъ значеніе фресковъ и ихъ особенности.

Докладъ вызвалъ живой обмѣнъ мыслей, и храмъ какъ съ архитектурной стороны, такъ и со стороны фресковой живописи признанъ съездомъ имѣющимъ громадный художественный и научный интересъ.

Г. Грязновъ относитъ происхожденіе фресокъ къ разнымъ временамъ и, какъ на болѣе художественный экземпляръ, указываетъ на фреску Богоматери—оганта.

— *Рефератъ* *Θ. В. Покровскаго*. Построеніе Спасо-Преображенскаго собора въ Мирожскомъ монастырѣ относится къ XII в. Одновременны съ сооруженіемъ собора и находившіяся на его внутреннихъ стѣнахъ фрески. Сходныя и близкія по времени фрески наблюдаются также на стѣнахъ Кіево-Софійскаго собора (XI в.), въ Кіево-Кирилловомъ монастырѣ (XII в.), въ Спасонередидкой церкви, близъ Новгорода, и въ Староладожской церкви св. Георгія, и изъ нихъ ближе всѣхъ, по археологической важности и художественному характеру, стоятъ къ мирожскимъ фрескамъ стѣнописи Спасонередидкія. Сверхъ того, въ мирожскихъ фрескахъ есть не мало такихъ композицій, какихъ нѣтъ не только въ Нередидкахъ, но и ни въ одномъ русскомъ памятникѣ, относящемся къ первымъ вѣкамъ христіанства въ Россіи.

Композиціи въ мирожскихъ фрескахъ представляютъ собою болѣе или мѣнѣе вѣрныя кони съ греческихъ образцовъ: типы лицъ—греческіе, костюмы также традиціонныя, —византійскіе; даже уплывшія отчасти надписи сдѣланы, повидному, съ греческихъ образцовъ. Стиль фресокъ тотъ же самый, что въ фрескахъ нередидкихъ и староладожскихъ; это—условный, іератическій стиль мозаикъ Кахрие-Джами въ Константинополѣ, въ которомъ религиозная идея начинаетъ преобладать надъ свободою художественнаго творчества и личное религиозно-художественное воззрѣніе подчиняется установившемуся обще-церковному воззрѣнію на задачи религиознаго искусства. Всѣ композиціи вообще весьма удовлетворительны, типы величественны и превосходны, костюмы условны и нѣкоторые отличаются роскошью; постановка фигуръ по большей части нормальна. Самое размѣщеніе изображеній въ храмѣ носитъ на себѣ отпечатокъ византійскаго обычая, установившагося подъ влияніемъ символическаго воззрѣнія на храмъ и его составныя части. Здѣсь различаются два цикла изображеній: въ алтарѣ и въ средней части храма.

Изъ изображеній въ алтарѣ должны быть отмѣнены: евхаристія, — въ формѣ такъ называемаго литургическаго перевода тайной вечери „деисисъ“ и этимасія — уготованіе престола.

Росписи средней части храма, согласно византійскому и древне-русскому обычаю, выражаютъ идею торжествующей церкви Христовой: въ зенитѣ купола—сидящій на тронѣ Спаситель, въ трибунахъ купола—апостолы и пророки, въ нарусахъ сводовъ помѣщены изображенія четырехъ евангелистовъ, безъ символовъ; своды стѣнъ и арки расписаны сценами изъ евангелической исторіи, каковы: вандр., Преображеніе, Распятіе, Положеніе Иисуса Христа во гробъ, Успеніе Богоматери (безъ чуда съ жидовиною), Крещеніе Иисуса Христа съ олицетвореніемъ Иордана въ формѣ обнаженной женщины съ опрокинутою урною, Рождество Христово, Тайная вечеря (сигматическая форма) и Сошествіе Св. Духа на апостоловъ. Но наибольшій интересъ, съ точки зрѣнія исторіи православной иконографіи, представляютъ изображенія, относящіяся къ дѣтству Богоматери, въ западной части южнаго нефа. — Жаль, что нѣкоторые изъ изображеній этого цикла здѣсь погибли, но во всякомъ случаѣ уплывшая часть доказываетъ съ очевидностью, что уже въ XII в. предки наши знали подробныя сказанія объ этомъ предметѣ и передали намъ въ видѣ опредѣленныхъ художественныхъ композицій.

Въ заключеніе референтъ коснулся вопроса о реставраціи Мирожскаго Спасо-Преображенскаго собора и вообще — о реставраціи древнихъ русскихъ церковныхъ стѣнописей.

Послѣ этого реферата нѣсколько словъ сказано было г. Сусловымъ о состояніи работъ по реставраціи мирожскихъ фресокъ и г. Троицкимъ—относительно неточности символическаго ихъ размѣщенія въ Спасо-Преображенскомъ соборѣ.

— *Н. И. Петровъ читалъ о монетахъ Великаго Кіевского князя Изяслава Ярославича.*

Засѣданіе по отдѣленію исторіи, географіи и этнографіи 3 августа въ 6 часовъ вечера, подъ почетнымъ предсѣдательствомъ Д. Я. Самовасова.

Особенный интересъ возбуждалъ рефератъ профессора кенигсбергскаго университета Л. Х. Штида, читанный имъ на русскомъ языкѣ, „о наименованіяхъ лѣховъ въ ганзейской торговлѣ“. Отмѣтивъ ту важную роль, какую имѣли мѣха въ древней торговлѣ русскихъ сѣверными путями и указавъ необходимость имѣть специальную исторію по торговлѣ мѣхами, какъ весьма обширной по размѣрамъ и очень древней по времени, референтъ сдѣлалъ оцѣнку объясненій изъ русскаго языка многихъ названій лѣховъ, встрѣчающихся въ латинскихъ и нѣмецкихъ документахъ ганзейскаго времени. Референтъ представилъ классификацію этихъ названій по географическимъ особенностямъ, по цвѣту мѣха, качеству товаровъ и по самымъ зѣбримъ, шкуры которыхъ продавались. Всѣхъ названій, изслѣдованныхъ референтомъ, оказалось 46. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: wimeteken, — рус. вымѣткари (мѣхъ низшаго достоинства, выборки), scheweniss — рус. шевия (полотнище, спитое изъ нѣсколькихъ мѣховъ, для шубы), „smaschi“ и „merlici“ — рус. смушки и мерлушки и мн. др. Нѣкоторые изъ подобныхъ терминовъ окончательно утратили свой смыслъ и называются непонятными и для самого докладчика.

По окончаніи реферата предсѣдатель засѣданія заявилъ, что почетный референтъ уже съ 1873 года принимаетъ личное участіе во всѣхъ русскихъ археологическихъ съѣз-

дахъ, и отъ имени съезда выразилъ ему благодарность. Присутствовавшіе громкими аплодисментами выражали свое сочувствіе и признательность г. референту.

Въ дополненіе настоящаго реферата профессоръ варшавскаго университета Е. О. Карскій выяснилъ значеніе неопытныхъ для референта выраженій: „попелода“ (маленькій звѣрекъ на мѣстномъ простонародномъ языкѣ), „беравъ“ (баранъ, на основаніи рукописи XVI в. подъ заглавіемъ „Аристотелевы врата“) и „бугай“ быкъ.

Преод. 2 гимназіи Шнекъ указалъ на значеніе слова „червачъ“ въ вопросѣ о мѣхѣ по времени его снятія шкуръ со звѣря.

Членъ совѣта Г. А. Виссендорфъ, латышъ по происхожденію, прочелъ на русскомъ языкѣ рефератъ: „О мѣстоположеніи варяжской Руси“. Г. референтъ указывалъ на Русь жемойтекую на берегахъ рѣки Руси, притока Нѣмана, и, на основаніи извѣстій Адама Бременскаго, Дитмара Мерзенбургскаго и друг. западныхъ источниковъ, а также и на основаніи мнѣній новѣйшихъ ученыхъ, предполагалъ въ означенной мѣстности первоначальное жительство варяжской Руси.

Прежде всѣхъ возразилъ референту проф. Мерзвинскій, указавъ, что въ данномъ вопросѣ эти источники потеряли уже свое значеніе.

Затѣмъ докладчику возражалъ проф. О. И. Успенскій, доказывая ему что въ рѣшеніи вопроса о происхожденіи варяжской Руси надо обращаться къ источникамъ болѣе древнимъ, чѣмъ западные, что чѣмъ древнѣе источникъ, тѣмъ онъ надежнѣе, а такими источниками признаются источники византійскіе, а не западные. Мысль докладчика не нова: она уже была обследована въ прежнія времена и оставлена теѣперь, какъ не надежная.

Съ другой стороны, начальникъ виленаго центрального архива И. Я. Сирогисъ, по поводу того-же реферата г. Виссендорфа, указавъ на значительную близость языка латышско-литовскаго къ русскому, заявилъ, въ видѣ общаго положенія, что было-бы весьма важно пользоваться латышско-литовскимъ языкомъ при разъясненіи нѣкоторыхъ сторонъ начальной русской лѣтописи и географіи. Для примѣра онъ предложилъ названія рѣки *Пины* и полоцкой княжны *Рогнѣды*, какъ возможные для истолкованія изъ литовско-латышскаго языка („пина“—латышск. гирлянда); значить Пина—рѣка, сплетенная изъ многочисленныхъ притоковъ—ручьевъ; Рогнѣда—латышск. „рагана“, жрица, колдунья, а въ переносномъ смыслѣ—красавица).

Депутатъ съезда отъ Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей проф. Х. П. Япуржинскій прочелъ рефератъ „О превращеніяхъ въ бѣлорусскихъ сказкахъ“. Для образца г. референтъ изложилъ нѣсколько бѣлорусскихъ сказокъ изъ сборника г. Романова, въ подтвержденіе своихъ тезисовъ, что къ превращеніямъ способны мифическія существа, имѣющія съ ними сношенія, какъ-то: колдуны и вѣдьмы. Въ заключеніе референтъ отмѣтилъ ту особенность бѣлорусскихъ сказокъ о превращеніяхъ, что онѣ отличаются особенной свѣжестью чувства и природной простотой.

Проф. Киричниковъ обратилъ вниманіе на то, что нѣкоторыя сказки, изложенныя докладчикомъ, какъ бѣлорусскія, имѣютъ происхожденіе другое: онѣ позаимствованы отъ другихъ народовъ и не могутъ быть признаны сказками чисто народными. Затѣмъ А. И. указалъ на значительное накопленіе матеріала этнографическаго и на необходи-

мость разрабатывать его сравнительнымъ методомъ и въ частности сравненіемъ народныхъ сказочныхъ сюжетовъ съ литературными. Проф. Владиміровъ замѣтилъ, что при изученіи народныхъ сказочныхъ сюжетовъ для того, чтобы опредѣлить общія схемы сказокъ необходимо употреблять разнообразныя приемы при изученіи. Г. Лонгиновъ указалъ на сходство нѣкоторыхъ сюжетовъ бѣлорусскихъ сказокъ съ образами въ „Словѣ о полку Игоревѣ“. Въ заключеніе произошелъ небольшой обмѣнъ мыслей между докладчикомъ и А. И. Киричниковымъ.

Засѣданіе 4 августа, въ 10 часовъ утра, по отдѣлу Первобытныхъ древностей.

Почетный предсѣдатель Д. Н. Анучинъ.

Предсѣдатель В. Б. Антоновичъ.

Секретарь В. З. Завитневичъ.

1) Профессоръ В. З. Завитневичъ сдѣлалъ докладъ: „Формы погребальнаго обряда въ мозырскомъ, рѣчицкомъ и бобруйскомъ уѣздахъ Минской губерніи“. Предметомъ научнаго наблюденія для референта послужили 627 изслѣдованныхъ имъ кургановъ, которые, по формѣ погребальнаго обряда, дѣлятся прежде всего на двѣ категоріи: 1) курганы съ трупосожженіемъ и 2) курганы съ зарываніемъ покойниковъ въ землю. Цифровыя данныя, показывающія процентное отношеніе кургановъ первой категоріи къ общей суммѣ изслѣдованныхъ кургановъ, а равно и распредѣленіе ихъ по территоріи изслѣдованной области, служатъ основаніемъ для слѣдующихъ двухъ выводовъ: 1) обрядъ трупосожженія не былъ господствующимъ въ данной области; 2) такъ какъ форма этого обряда по направленію къ Днѣпру усиливается, то представляется вѣроятнымъ, что она занесена на западную сторону Днѣпра съ восточной, гдѣ, въ бассейнѣ р. Десны, она имѣетъ господствующее значеніе.—Обрядъ зарыванія покойниковъ въ землю, въ свою очередь, подраздѣляется на три категоріи: 1) погребеніе въ насыпи кургана; 2) на поверхности земли и 3) въ ямахъ. Первая форма встрѣтилась только въ 3 курганахъ березинскаго бассейна. Распредѣленіе кургановъ второго типа по могильникамъ и ихъ процентное отношеніе къ общей суммѣ изслѣдованныхъ кургановъ показываетъ, что обрядъ погребенія въ ямахъ къ сѣверу отъ Припяти игралъ второстепенное значеніе и занесенъ былъ сюда, по всей вѣроятности, съ южнаго берега, гдѣ, въ области Древлянскихъ поселеній, онъ былъ господствующимъ. Господствующее же значеніе въ изслѣдованной области имѣлъ обрядъ погребенія на *поверхности* земли. Изъ 627 раскопанныхъ кургановъ эта форма встрѣтилась въ 443, что составляетъ 70,65%. Встрѣчающіеся въ курганахъ предметы можно раздѣлить на двѣ категоріи: практически-бытовые и служившіе украшеніемъ. Первые предметы свидѣтельствуютъ, что люди курганной эпохи жили въ желѣзномъ вѣкѣ и находились на сравнительно высокой степеніи культурнаго развитія. Изъ предметовъ украшенія, группированныхъ около головы, шеи и рукъ, особеннаго вниманія заслуживаютъ бусы филигранной работы, повидимому, мѣстнаго приготовленія. Для опредѣленія хронологіи разсматриваемой курганной культуры служатъ извлеченныя изъ кургановъ три монеты X вѣка: двѣ арабскихъ самаркандскаго чекана и одна византійская, времени Константина Порфиророднаго. Въ краниологическомъ отношеніи преобладаетъ долихоцефализмъ.

Предсѣдатель Д. Н. Анучинъ обратилъ вниманіе на полноту и обстоятельность доклада и выразилъ референту отъ лица собранія благодарность.

Д. Я. Самоквасовъ, указавъ на серьезное значеніе реферата въ ряду другихъ работъ этого рода, сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе. Основываясь на показаніяхъ Геродота, онъ полагаетъ, что изслѣдованная референтомъ область въ эпоху Геродота представляла незаселенную пустыню, которая впервые занята была пришедшими съ Дуная славянами, т. е. людьми одного типа, а поэтому различать между ними элементы древнѣйшіе и новѣйшіе и отмѣчать ихъ взаимодействие—едва-ли возможно.

На это замѣчаніе референтъ отвѣтилъ, что до занятія славянами при-Днѣпровскихъ областей послѣднія песочными заселены были людьми культуры каменнаго вѣка, которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать съ курганнымъ населеніемъ культуры желѣзнаго вѣка: каменные орудія, въ громадномъ количествѣ встрѣчающіяся въ изслѣдованной области, въ курганахъ не встрѣчаются. Что же касается сравнительной древности отдѣльныхъ погребальныхъ типовъ и ихъ предполагаемаго взаимодействия, то обо всемъ этомъ въ рефератѣ говорится въ условномъ смыслѣ.

Д. И. Иловайскій, присоединяясь къ мнѣнію референта, нашелъ невозможнымъ согласиться съ мнѣніемъ г. Самоквасова о приходѣ славянъ съ Дуная.

Князь Путятинъ замѣтилъ что, при изученіи формъ погребальнаго обряда, необходимо обращать вниманіе на практическія цѣли, которыя преслѣдовались при сооруженіи могильныхъ насыпей, и которыя имѣли вліяніе на форму погребальнаго обряда. Референтъ на это отвѣтилъ, что на эту сторону вопроса уже давно обращено вниманіе въ нашей ученой литературѣ и—между прочимъ—самимъ же референтомъ.

2) Вторымъ сдѣлалъ докладъ В. Б. Антоновичъ: „Погребальный типъ могилъ Радимичей“.

Радимичскій похоронный типъ изслѣдованъ въ раскопкахъ гг. Фурсова, Яременки и референта. Всего раскопано 262 кургана, въ томъ числѣ референтомъ 115.

Главныя черты похороннаго типа состоятъ въ слѣдующемъ: покойники были погребены выше горизонта (78%) на большей или меньшей возвышенности, средняя ея высота, 0,53 метра; ложе, подосланное подъ ними, состоитъ изъ смѣси золы съ зернами угля и свѣтлаго песку безъ всякаго, впрочемъ, признака сожженія или обугленія костей. Дерево въ устройствѣ могилы встрѣчалось рѣдко (18%), чаще всего въ видѣ нѣсколькихъ досокъ или брусевъ, положенныхъ сверху или по бокамъ скелета. Скелеты лежали головою къ западу, на спинѣ, руки были протянуты вдоль тѣла, ноги также протянуты. Измѣрено было 33 черепа, изъ нихъ 28 оказались длинноголовыми: средний черепный указатель 75,09, т. е. типъ черепа находится на границѣ долихцефализма и субдолихцефализма по схемѣ Брока. Ростъ измѣренъ въ 22 случаяхъ; средняя его цифра 1,66 метра, т. е. ростъ выше средняго.

При покойникахъ ни разу не было найдено оружія. Сосуды—глиняные горшки двухъ типовъ встрѣчались очень часто; они стояли у головы или у ногъ и были наполнены органическимъ перегноемъ. Горшки не симметрической формы, вѣроятно, сдѣланы безъ гончарнаго круга.

Украшенія одежды и бытовые предметы встрѣчались рѣже въ мужскихъ могилахъ; они здѣсь состояли изъ полевыхъ бронзовыхъ пряжекъ, литыхъ бронзовыхъ колецъ,

привѣшавшихся къ поясу, и желѣзныхъ ножицъ съ деревянными или костяными рукоятками. Въ женскихъ могилахъ было гораздо болѣе украшеній: у головы встрѣчались украшавшія волосы височныя кольца семилопастныя, рѣже серьги. На шеѣ встрѣчались витыя бронзовыя гривны и многочисленныя ожерелья, состояція или изъ крупныхъ буссъ, стеклянныхъ, глинистыхъ, сердоликовыхъ, аметистовыхъ и горнаго хрусталя, или изъ мелкихъ глинистыхъ и стеклянныхъ буссъ, нанизанныхъ въ два ряда и перехваченныхъ серебряными привѣсками, имѣвшими форму: ромбовъ, ажурныхъ розетокъ, полумѣсяцевъ, бубенчиковъ и крестообразныхъ фигуръ. На рукахъ встрѣчались браслеты изъ бронзовыхъ проволокъ и пластинокъ и чертени серебряныя изъ проволокъ и пластинокъ, а также бронзовыя литые. Въ двухъ случаяхъ встрѣчены фибулы дугообразныя: одна бронзовая и одна желѣзная. Металлическіе предметы всѣ безъ исключенія не были спаяны. Серебряные предметы были гораздо численнѣе бронзовыхъ.

Хронологическія данныя встрѣтились два раза: въ одномъ случаѣ найдены 5 медальоновъ, сдѣланныхъ изъ восточныхъ монетъ, которыя оказались саманидскими диргемами первой половины X ст., въ другомъ случаѣ найденъ былъ христіанскій крестикъ, съ изображеніемъ Распятія, привѣшенный, въ качествѣ украшения, къ ожерелью, — по формѣ одѣяннаго относящійся не позже начала XI ст. Обѣ данныя указываютъ такимъ образомъ на X-ое столѣтіе.

Д. Я. Самоквасовъ, замѣтивъ, что люди науки привыкли видѣть въ докладахъ референта труды, удовлетворяющіе самымъ строгимъ научнымъ требованіямъ, нашелъ, что и настоящій рефератъ не составляетъ исключенія изъ общаго правила.

Предсѣдатель Д. Н. Анучинъ, находя, что докладъ реферата, кромѣ другихъ замѣчательныхъ достоинствъ, отличается прекрасными научными приемами, выразилъ референту отъ лица собранія глубокую благодарность.

3) Депутатъ Могилевскаго Статистическаго Комитета М. В. Фурсовъ сдѣлалъ докладъ о раскопкахъ кургановъ, произведенныхъ въ 1892 году въ пяти центральныхъ уѣздахъ Могилевской губерніи. Докладъ началъ М. В. Фурсовъ слѣдующимъ заявленіемъ: „Въ виду только что, выслушаннаго собраніемъ обстоятельнаго реферата профессора Вл. Бон. Антоновича о раскопкахъ, произведенныхъ имъ въ теченіе нынѣшняго лѣта въ двухъ мѣстностяхъ Гомельскаго уѣзда, близъ Гомеля и Чечерска, съ цѣлью опредѣлить типъ въ похоронныхъ обрядахъ Радимичей, древнихъ насельниковъ обоихъ береговъ Сожа, въ предѣлахъ Могилевской губерніи, мнѣ ничего не остается болѣе, какъ изложить вкратцѣ только тѣ разновидности, какія оказываются въ результатахъ, добытыхъ г. профессоромъ и нами.“

Результаты, добытые нами, во многомъ сходятся съ ковыми же профессора Антоновича, но существуютъ и различія.

Такъ, наиримѣръ, большія серебряныя кольца были таковы найдены нами на груди скелетовъ съ привѣсками изъ сердолика, горнаго хрусталя и стеклянныхъ золоченныхъ буссъ, тогда какъ на костякахъ Гомельскихъ такія кольца служатъ головнымъ украшеніемъ; ромбовидныя привѣски, въ формѣ рыбокъ, на костякахъ Гомельскихъ составляютъ часть ожерелій и найдены тамъ во множествѣ; въ нашихъ же раскопкахъ такія привѣски встрѣчены въ небольшомъ количествѣ и постоянно какъ серьги; массивныя браслеты изъ серебра, изящное кольцо съ камнемъ, золотой съ эмалью

крестъ (со сломаннымъ нижнимъ концомъ); литая изъ мѣди фигура человѣка, въ одеждѣ славянина-коневода (весьма характерная), найдены нами въ Мозырскихъ и Лутчицкихъ курганахъ Мстиславскаго и Быховскаго уѣздовъ. Въ Гомельскихъ же не встрѣчено вовсе ничего подобнаго. Но всѣ эти разновидности не существенно важны.

Затѣмъ докладчикъ перешелъ къ описанію погребальныхъ формъ, встрѣченныхъ имъ въ пяти уѣздахъ губерніи и указалъ, что двѣ изъ нихъ: погребеніе черезъ положеніе трупа на потухающемъ кострѣ и погребеніе въ искусно-вырытыхъ и обложенныхъ толстыми слоями бересты могилахъ не встрѣчено при раскопкахъ въ Гомельскомъ уѣздѣ, другія же двѣ формы: погребеніе выше грунта, какъ бы на ложѣ изъ золы и песку (иногда разноцвѣтнаго), найдены профессоромъ Антоновичемъ, какъ преобладающій типъ погребенія у Радимичей. Съ этимъ согласиться нѣтъ достаточныхъ оснований, при характеристикѣ погребальнаго обряда въ пяти разслѣдованныхъ нами уѣздахъ, гдѣ жила большая часть (почти $\frac{4}{5}$) Радимичей. Кромѣ того признать погребеніе на ложѣ изъ песку и золы за типическое — значитъ, сдѣлать обобщеніе изъ небольшого числа добытыхъ фактовъ (раскопки въ 2-хъ мѣстахъ Гомельскаго уѣзда); оно было бы ошибочно даже и тогда, когда такое погребеніе оказалось бы преобладающимъ въ 60-ти раскопкахъ кургановъ пяти нашихъ уѣздовъ, ибо всѣхъ кургановъ въ бассейнѣ Сожа считается свыше тысячи, раскопано же ихъ не болѣе десятой части.

Затѣмъ, послѣ демонстраціи устройства трехъ Мозырскихъ могилъ, изъ коихъ двѣ обложены внутри берестой въ нѣсколько слоевъ и имѣли надъ собою такъ называемый бдынъ или деревянную изъ толстыхъ плахъ постройку, сверху которой и былъ насыпанъ курганъ, докладчикъ перешелъ къ описанію глиняныхъ горшковъ, встрѣчающихся разбитыми въ каждомъ курганѣ и въ цѣломъ видѣ у ногъ или у головы скелета во многихъ курганахъ. Разновидность ихъ противъ Гомельскихъ состоитъ въ томъ, что всѣ горшки (цѣлые) весьма красивой формы, съ глубокою вытяжкой и изъ хорошо вымѣшенной глины (бѣлой или черной), тогда какъ въ Гомельскихъ курганахъ всѣ безъ исключенія горшки сдѣланы изъ плохой глины, съ примѣсью кварца и не на кружалѣ. Кромѣ того, въ горшкахъ, помѣщенныхъ при скелетахъ въ курганахъ пяти уѣздовъ, не оказывается слѣдовъ чего либо, что можно было бы назвать содержимымъ въ нихъ, но стѣнки ихъ болѣею частью только закончены; въ Гомельскомъ же уѣздѣ существованіе содержимаго въ горшкахъ замѣчено г. профессоромъ.

Высказавъ народный взглядъ на постановку (даже и понышѣ) горшковъ на могилахъ, референтъ закончилъ этимъ докладъ свой.

Рефераты Завитневича и Антоновича были покрыты шумными аплодисментами.

Засѣданіе 4 августа въ 7 ч. вечера, по V отдѣлу (Церковныя древности).

Почетный председатель профессоръ протоіерей П. О. Николаевскій.

Въ это засѣданіе было прочитано три реферата.

Рефератъ М. П. Истомина.

Къ исторіи живописи въ Кіево-Печерской лаврѣ въ прошломъ столѣтіи.

Кіево-Печерская лавра имѣла громадное историческое значеніе; отсюда понятною становится и вся важность

изученія этого памятника, какъ въ историческомъ, такъ и археологическомъ отношеніи. Къ сожалѣнію, въ послѣднемъ отношеніи встрѣчаются непреодолимые препятствія: время проходило, всѣ остатки древней старины не сохранились, такъ, наиримѣръ, не сохранилось древней мозаики, которою былъ украшенъ главный храмъ. Въ особенности для лавры памятенъ 1788 годъ... Поэтому-то самая древняя живопись въ соборной церкви Кіево-Печерской лавры, уцѣлѣвшая лишь въ немногихъ мѣстахъ, не восходитъ по времени раньше прошлаго столѣтія.

Въ прошломъ столѣтіи, по свидѣтельству надписи, находящейся на столбѣ у лѣваго клироса, великая лаврская церковь была росписана два раза: въ 1730 и отъ 1772—1776 гг.

Въ описаніи лавры митрополита Евгенія, эта послѣдняя иконопись именуется „превосходною греческою“. Это мнѣніе о греческомъ характерѣ лаврской живописи прошлаго столѣтія требуетъ тщательной провѣрки, насколько она возможна при наличности существующихъ данныхъ. Намъ извѣстны два документа: одинъ, хранящійся въ кіевскомъ центральномъ архивѣ, другой — въ архивѣ Кіево-Печерской лавры; на основаніи ихъ устанавливается фактъ пребыванія въ этомъ монастырѣ живописца Веніамина Фридериче, который около 1758 г. перешелъ изъ бердичевскаго кармелитскаго монастыря, гдѣ исполнилъ нѣкоторые заказы, въ Кіево-Печерскую лавру. Его мы здѣсь встрѣчаемъ еще въ концѣ 1760 г. Изъ разобранныхъ нами дѣлъ видно, что ему поручена была какая-то работа администраціею лавры. Профессоръ Истомина полагаетъ, что Фридериче были поручены росписи лаврской церкви.

Въ теченіе почти всего XVIII столѣтія лавра была расадникомъ иконописнаго искусства на всю Западную Россію, хотя, впрочемъ, есть факты, указывающіе на то, что состояніе иконописнаго искусства въ самой лаврѣ не стояло на должной высотѣ; тѣмъ не менѣе, потребность въ этомъ искусствѣ давала себя чувствовать, повидимому, очень сильно. Для удовлетворенія таковой, прежде всего нужна была школа церковной живописи, а ея не было при лаврѣ, гдѣ обученіе ему желающихъ происходило „приватно“ по кельямъ монастырской братіи, иноковъ-иконописцевъ. Такая школа была открыта при Кіево-Печерской лаврѣ 17 мая 1763 года. Основаніе ея подвинуло дѣло; подъемъ „иконописнаго мастерства“ выразился въ томъ, что, при выполненіи живописныхъ работъ въ соборной лаврской церкви въ 1772—1776 гг., участвовали исключительно ученики недавно открытой школы.

Послѣ всего сказаннаго становится понятнымъ, почему администрація Кіево-Печерской лавры пригласила къ себѣ для живописныхъ работъ художника-итальянца и удерживала его при монастырѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Къ историческимъ заслугамъ Кіево-Печерской лавры нужно отнести то, что она, какъ одинъ монастырь изъ передовыхъ постовъ на стражѣ національныхъ задачъ Западной Руси въ эпоху непрекращавшейся религіозной борьбы, взяла на себя обязанности по обученію иконописному искусству.

Фактъ пребыванія въ Кіево-Печерской лаврѣ итальянскаго живописца свидѣтельствуетъ о томъ, что въ церковной иконописи Западной Руси имѣло мѣсто и западное влияніе, которое должно было отразиться на видоизмѣненіи прежнихъ образцовъ и композицій, унаслѣдованныхъ отъ Византии. Съ этой точки зрѣнія получаетъ научный интересъ и изученіе того немногаго, что уцѣлѣло въ Кіево-Пе-

черской лаврѣ отъ живописи прошлаго столѣтія. Поэтому, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что параллельное изученіе живописи въ древнихъ православныхъ и католическихъ храмахъ Западной Руси дастъ богатый матеріалъ для исторіи искусства, съ точки зрѣнія соприкосновенія двухъ культуръ—византійско-русской и западно-латинской.

Рефератъ Н. И. Троицкаго.

„Пѣснь Пѣсней“

въ фрескахъ Тульского Успенскаго собора.

Тульскій Успенскій кафедральный соборъ, обращающій на себя вниманіе своими архитектурными достоинствами, — въ отношеніи обширности, легкости и освѣщенія,—заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія по своему внутреннему убранству, и притомъ какъ въ художественномъ отношеніи, такъ и въ особенности со стороны церковной символикъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательна его стѣнная фресковая иконопись. Хотя этотъ храмъ построенъ отъ 1762 по 1764 г., а расписанъ *al-fresco* отъ 1765 по 1767 годъ, тѣмъ не менѣе эти фрески его замѣчательны въ высшей степени и по своей техникѣ, и по стилю, а главное — по своей полнотѣ и содержательности. Сколько извѣстно, эта роспись есть послѣднее и совершеннѣйшее созданіе русскаго фрескового письма. Заполняя все пространство поверхности стѣнъ, столбовъ, сводовъ и куполовъ, она представляетъ въ прекрасныхъ образахъ и лицахъ всю перспективу тысячелѣтней жизни царства Божія на землѣ. Размѣщеніе фресковыхъ изображеній, въ основныхъ чертахъ своего плана, имѣетъ, конечно, большое сходство съ извѣстными росписями храмовъ Владимірскихъ, Московскихъ и Ярославскихъ, а непосредственно примыкаетъ къ Ярославскимъ подлинникамъ. И это потому, что по выраженію лѣтописной надписи на стѣнной двери собора — „трудившіеся о Возѣ иконописцы“ были „града Ярославля посадскіе люди стѣннаго писанія“. Находясь въ такой зависимости отъ ярославскихъ подлинниковъ, фрески тульского Успенскаго собора имѣютъ, однако, свою весьма замѣчательную особенность и въ составѣ изображеній и въ стилѣ писанія. Какъ таковыя, они служатъ и развитіемъ фрескового дѣла, и дополненіемъ цикла изображеній, принятыхъ уже въ древнихъ храмахъ и въ частности въ ярославскихъ. Выдающуюся особенность такого рода фресокъ представляютъ четыре, болѣе или менѣе обширныхъ, клейма, составляющихъ цѣлый рядъ или ярусъ и расположенныхъ на западной стѣнѣ храма, во всю ея длину — съ изображеніями, которыя стоятъ въ непосредственной связи съ текстомъ ветхозавѣтной канонической книги „Пѣснь Пѣсней“ Соломона.

Тульскіе фрески представляютъ прежде всего особенность стиля, хотя она касается главнымъ образомъ декоративной стороны (костюмовъ лицъ, вида палатъ и ландшафта), — духъ и вкусъ эстетическій XVIII в. сказались въ этомъ вѣкѣ и во фресковой росписи (въ особенности — платьѣ широкое съ узкимъ лифомъ). Но главное отличіе тульскихъ фресокъ составляетъ сложность ихъ состава и полнота содержанія, ее обуславливающая: эти фрески воспроизводятъ все содержаніе книги „Пѣснь Пѣсней“ и даютъ свое особенное толкованіе основной ея идеѣ.

По толкованію фресковыхъ лицевыхъ изображеній въ „Пѣснь Пѣсней“ воспріимается отношеніе не мудрости къ Соломону, на что указываетъ его „Книга Премудрости“, — не народа Израильскаго къ Іеговѣ, какъ училъ р. Авва,

— не души христіанина ко Христу, какъ проповѣдывалъ Оригенъ и прочіе, — не благополучнаго государства Соломона къ нему — царю или къ Іеговѣ, какъ народному благодѣтелю, какъ соображалъ Лютеръ, — не отношеніе жены къ мужу, состоящихъ въ благословенномъ бракѣ, какъ думаетъ Деличъ, — и, наконецъ, не отношеніе Палестины къ своему солнцу, какъ мудрствуетъ Тайяръ; нѣтъ: „Пѣснь Пѣсней“ воспріимаетъ глубокую любовь Вѣтхо-завѣтной Церкви къ обѣтованному Испытателю, къ новому и вѣчному союзу съ Нимъ.

Такъ опредѣленная идея книги „Пѣснь Пѣсней“ устраняетъ весьма многія недоумѣнія и затрудненія при послѣдовательномъ толкованіи всего текста этой превосходной поэтической книги Ветхаго Звѣта. А именно такому опредѣленію идеи книги „Пѣснь Пѣсней“ по фрескамъ соответствуетъ ихъ символика, т. е. размѣщеніе ихъ всѣхъ именно на западной стѣнѣ храма.

Церковное ученіе о символическомъ значеніи храма и его частей издревле и до днесь безспорное, неизблемое и совершенно опредѣленное; храмъ — это міръ, алтарь, высшее небо; средняя часть храма — земля; западная стѣна — нижняя область земли, даже адъ. И это символическое ученіе о храмѣ ставится въ неразрывную связь съ символическими богослужебными дѣйствіями епископа.

При этомъ символическомъ ученіи церкви о храмѣ, совершенно понятно отношеніе фресокъ „Пѣснь Пѣсней“ именно къ западной стѣнѣ онаго. Западъ — страна мрака, область скорби, мѣсто томленія, воздыханія, надежды. И вотъ почему на западную сторону переносится и на западной стѣнѣ храма помѣщается изображеніе Вѣтхо-Завѣтной церкви, любящей своего Испытателя, но еще скорбящей о немъ, ищущей Его, но нерѣшительно послѣдовавшей за Нимъ, — а вмѣстѣ и изображеніе Испытателя, любящаго свою церковь, говорящаго ей о Себѣ, но еще страдающаго за нее. Это мѣсто томленія жениха и невѣсты, любящихъ другъ друга, но еще страдающихъ въ любви, не вошедшихъ еще въ брачный, свѣтлый, радостный и славный чертогъ. На семь то мѣстъ и переданы столь художественные образы „Пѣснь Пѣсней“ въ прекрасныхъ фрескахъ Тульского Успенскаго кафедральнаго собора.

Н. И. Троицкій закончилъ рефератъ слѣдующими словами:

Мнѣ суждено было открыть вамъ, господа, только одну страницу величественной хартіи стѣнныхъ росписей православнаго храма и не очевидно ли, какъ величественъ православный храмъ по своему символическому значенію, какъ глубока его стѣнная иконопись по своимъ идеямъ. — Безиредѣленъ онъ, какъ безиредѣленъ міръ Божій; глубоко онъ по своей идеѣ, какъ глубоко разумъ Божій, художествененъ онъ, какъ художественны картины историческихъ тысячелѣтній жизни церкви Божіей!

Послѣдовали шумные аплодисменты. Возраженій не было.

Рефератъ профессора Н. П. Петрова.

Проф. Н. П. Петровъ сдѣлалъ докладъ „О новыхъ археологическихъ открытіяхъ въ г. Кіевѣ и особенно о новооткрытыхъ фрескахъ Кіево-Софійскаго собора“. Референтъ коснулся двухъ предметовъ: древняго города Владимірова въ Кіевѣ и новооткрытыхъ фресокъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ. При выемкѣ земли для прокладки канализационныхъ трубъ по Большой Владимірской улицѣ, открыта была древняя кладка изъ квадратныхъ тонкихъ кирпичей. Какое тутъ было въ древности зданіе — это объясняетъ планъ г. Кіева XVII в., хранящійся въ Московскомъ

архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. На этомъ планѣ обозначено два крѣпостныхъ вала на Старомъ Кіевѣ — оба съ воротами. Ворота первого вала обозначены приблизительно на томъ мѣстѣ, гдѣ открыта древняя кладка. Это — древній городъ св. Владиміра. Далѣе, на планѣ обозначенъ городъ Ярославовъ со св. Софією въ центрѣ. Очевидно, оба вала сохранились до XVII в. и занесены были на планъ. Фрески въ Кіево-Софійскомъ соборѣ открыты двоякаго рода: одні на арочныхъ столбахъ алтаря, который, очевидно, не закрывался иконостасомъ, а другіе въ аркахъ притвора, облежавшаго соборъ съ трехъ сторонъ, и въ такъ называемой крещальнѣ, находящейся на правой сторонѣ отъ главнаго западнаго входа въ соборъ.

Первый православный храмъ въ центрѣ Жмуди.

На Жмуди совершилось знаменательное православно-русское событіе: недавно освященъ первый православный храмъ въ томъ самомъ мѣстѣ, которое еще лѣтъ 30 назадъ было центромъ фанатическаго латинства. Это — мѣстечко Ворне, Тельшевскаго уѣзда. До послѣдняго польскаго мятежа оно было административнымъ средоточіемъ для Тельшевской (ранѣе Самогитской) римско-католической епархіи: здѣсь имѣлъ свою резиденцію жмудскій латинскій епископъ и находилась епархіальная семинарія.

Ворне (у орденовскихъ лѣтописцевъ — Мѣдники) — историческая мѣстность на Жмуди. Здѣсь болѣе продолжительное время сохранялось языческое капище, и окрестные жители позже остальныхъ литовцевъ крещены въ христіанскую вѣру. Эта мѣстность была ареной частыхъ столкновеній крестоносцевъ и меченосцевъ съ Литвою. Въ началѣ XV столѣтія король Ягайло и в. кн. Витовтъ, прибывъ въ Ворне, разослали отсюда своихъ проповѣдниковъ, знавшихъ жмудскій языкъ, и стали вводить христіанство при помощи военной силы.

Въ 1416 г. Витовтъ уже извѣщалъ Констанцкій соборъ о полномъ крещеніи Жмуди. По опредѣленію этого собора была учреждена жмудская римско-католическая епархія: капитулъ составляли шесть прелатовъ и семь канониковъ; одинъ изъ виленскихъ епископовъ былъ посвященъ въ перваго епископа Жмуди. Епархія сначала состояла всего изъ 9, потомъ изъ 12 приходоу.

Папа Мартинъ V не замедлилъ (въ 1421 г.) прислать новому епископу буллу о принятіи Жмуди въ лоно римско-католической церкви.

Не было недостатка въ храмоздателяхъ и выстроенный въ 1465 г. Ворненскій кафедральный соборъ неоднократно горѣлъ и снова возстановлялся. Въ половинѣ XVIII столѣтія въ Ворне была перенесена изъ м. Крожъ, Россіискаго уѣзда, римско-катол. духовная семинарія, основанная здѣсь въ 1570 г., для чего еп. И. Лопатинскимъ было возведено въ Ворне каменное зданіе. Еще сохранился епископскій домъ, отдаваемый нынѣ подъ помѣщеніе аптеки и почтовой конторы. М. Ворне было надѣлено магдебургскимъ правомъ, имѣло свой судъ, акты котораго хранились въ архивѣ Шавельскаго суда. Со времени польскаго мятежа, который на Жмуди получилъ широкое развѣтвленіе и долго держался съ особеннымъ ожесточеніемъ (большая схватка повстанцевъ съ русскими войсками была вблизи Ворне въ самую Пасху), управленіе Тельшевской римско-католической епархіи съ семинаріей перенесено въ Ковну, а оставшіяся

свободными зданія обращены подъ военные караулы, но притомъ не было устроено постоянной церкви.

Въ Ворненскихъ казармахъ лѣтъ 15 квартируетъ Донской казачій № 3 полкъ. Беззабѣтно-храбрые казаки, оставляющіе надолго свой тихій и поэгическій Донецъ, чтобы стоять на стражѣ дальней отъ нихъ западнорусской окраины и поддерживать тамъ спокойствіе, живя на Жмуди, были лишены высокаго христіанск. утѣшенія молиться въ православному храмъ, ибо у нихъ нѣтъ ни своего полковаго священника, ни походной церкви. И въ окрестностяхъ Ворне православные храмы находятся лишь въ 30-45 верстахъ. Въ требы какъ въ Ворне, такъ и въ другихъ стоянкахъ полка, исправляетъ Тельшевскій приходскій священникъ; онъ-же, по мѣрѣ возможности, прѣзжаетъ въ казармы (чаще всего въ дни послѣбраздничные) для совершенія богослуженія и для говѣнія.

Года три назадъ приходскій священникъ возбудилъ вопросъ объ устроеніи въ Ворненскихъ казармахъ *постоянной*, приписанной къ Тельшевской церкви. Заботы и хлопоты его увѣнчались успѣхомъ лишь потому, что къ этому высокохристіанскому и патриотическому дѣлу искренне-сочувственно отнесся достоитимый начальникъ инженероу виленскаго военнаго округа, военный инженеръ, г.-м. В. А. Бѣльцовъ, и при его великодушномъ сочувствіи военнымъ вѣдомствомъ была ассигнована нѣкоторая сумма на устройство въ одной изъ залъ казармъ домовоу церкви.

Прекрасный дубовый иконостасъ, мѣстами вызолоченный, съ изящными, писанными на золоченныхъ динкахъ, иконами, изготовленъ въ С.-Петербургѣ. Для пріобрѣтенія нѣкоторой части утвари и ризницы собрана сумма между офицерами квартирующаго въ казармахъ полка, искренно радовавшимися устроенію у нихъ церкви.

Для ея освященія предпринялъ не легкое путешествіе на Жмудъ преосвященный Христофоръ, епископъ Ковенскій.

Полеъ весьма старательно готовился къ предстоящему церковному торжеству и къ принятію у себя мѣстнаго архиепископа.

Наканунѣ освященія Ворненской церкви, для встрѣчи преосвященнаго со ст. Куршаны, Либауск. ж. д., полкъ, при хорѣ музыки, былъ разставленъ въ иѣшемъ строю, безъ оружія, шпалерами по обѣ стороны улицы на всемъ протяженіи отъ мѣстечка и до квартиры командира полка, гдѣ Архиепископъ имѣлъ помѣщеніе. Здѣсь собрались все штабъ — и оберъ-офицеры полка, мировой посредникъ 2-го участка съ должностными лицами Ворненской волости и депутация отъ мѣщанскаго еврейскаго общества. Преосвященный прибылъ въ Ворне послѣ полудня и былъ встрѣченъ хлѣбомъ-солью, которые поднесъ старшина Ворненской волости и мѣщанская депутация. Командиръ представилъ владыкѣ офицеровъ полка. На привѣтствіе каждой изъ группъ представлявшихся Преосвященный отвѣчалъ краткими рѣчами. Затѣмъ Владыка послѣдовалъ въ покои полковника.

Въ 6 час. вечера послѣдованъ благовѣстъ ко всеобщей. Впервые послышавшійся здѣсь православный благовѣстъ, казалось, что-то таинственное вѣщало уму и сердцу православно-русскаго человека.

При входѣ въ церковь Владыка былъ встрѣченъ прибывшими къ торжеству пятью священнослужителями (прот. С. Л. Засимовичъ, прот. Д. Д. Ярушевичъ, мѣстный приходской настоятель, свящ. Е. А. Розовъ и Г. С. Ти-

хомировъ) (*) и 3 диаконами. Со свитою Пресвященнаго прибылъ въ Ворне Ковенскій архіерейскій хоръ. Всенощная и литургія были отслужены съ особенной торжественностью. Литію и благословеніе хлѣбовъ Пресвященный въ сопровожденіи духовенства, совершилъ во время крестнаго хода вокругъ казарменнаго иллюминированнаго зданія, останавливаясь на четырехъ сторонахъ его. При этомъ выстроившіеся полкъ синею лентою оцѣпывалъ свои казармы. Въ крестномъ ходу, кромѣ хоругвей, креста и праздничныхъ иконъ, были носимы помощниками командира полковая икона, а командирами сотенными — иконы сотенныя. Молящихся помазывалъ освященнымъ елеемъ самъ Владыка. Масса народу (было весьма много иновѣрцевъ), желавшаго зрѣть не бывалое здѣсь правос.-церковное торжество, была громадна.

Небольшая церковь не могла вмѣстить всѣхъ богомольцевъ; масса ихъ стояла на лѣстницѣ и передъ казармами.

Всенощная кончилась въ 10 ч. вечера.

На другой день, въ 9 ч. утра, начался звонъ къ водосвятію. Вскорѣ Владыка преслѣдовалъ «со славою» въ церковь. Начался чинъ освященія храма во имя первоучителей славянскихъ св. Кирилла и Меодія, особенно интересовавшій тѣхъ, кто никогда не видалъ его исполненія. При „красномъ звонѣ“ Пресвященный съ антиминсомъ и со св. мощами на главѣ, въ сослуженіи собравшагося духовенства, совершилъ крестный ходъ вокругъ зданія, послѣ чего была прочтена молитва съ колѣнопреклоненіемъ. Крестный ходъ былъ такъ же торжествененъ, какъ и за всенощною.

Эта торжественность, вмѣстѣ съ глубокою умилительностью, съ какою была отслужена, при стройномъ и прекрасномъ пѣніи архіерейскихъ пѣвчихъ, первая православ. литургія въ новосозданномъ храмѣ, наполняла сердца правос.-русскихъ людей безпредѣльной духовн. радостью и неизглаголанной благодарностью Промыслителю за вся благая.

Вмѣсто причастнаго стиха, мѣстный настоятель произнесъ слово. Проповѣдникъ говорилъ о знаменательности этого событія, о значеніи для христіанъ храмовъ Божіихъ и о наущной потребности храма для здѣшнихъ православныхъ; наконецъ онъ упомянулъ о прошломъ этой мѣстности и о томъ, какъ устроенъ ново-освященный Кирило-Меодіевскій храмъ. Обрисовалъ въ краткихъ чертахъ распространеніе на Жмуди въ XV и XVI вв. православія и господство здѣсь русскаго языка и русскихъ началъ и, изобразивъ послѣдующія въ XVII и XVIII вв. печальныя времена для православія и русской народности, проповѣдникъ, между прочимъ, сказалъ: „Но живъ мощный русско-православный народъ Великой Россіи!“

Жива его православная вѣра — слава и залогъ его могущества! Возсоединеніе приснопамятнымъ великимъ западно-русскимъ іерархомъ митроп. Іосифомъ, создателемъ и благоустроителемъ литовской епархіи и возлюбленнѣйшимъ отцомъ нашимъ, униатовъ съ православною церковью; обнов-

(*) Благодѣтельный прот. В. И. Круковский, по болѣзни, не могъ, къ сожалѣнію, принять участія въ торжествѣ. Отсутствіе о. протоіерей тѣмъ болѣе было замѣтно, что при его ближайшемъ искренне-сердечномъ сочувствіи и содѣйствіи, при его неуспынныхъ заботахъ и по его усерднымъ ходатайствамъ, устроены или освящены почти все проходскіе храмы на Жмуди.

леніе, затѣмъ, западнаго края въ 60-хъ годахъ, въ духѣ русскихъ началъ, незабвеннымъ россияниномъ гр. М. Н. Муравьевымъ, постепенно измѣнили печальную картину нашего края; онъ все болѣе принимаетъ обликъ велико-русскихъ областей; все чаще и повсюду возникаютъ въ краѣ православныя храмы, русскія и въ частности церковныя школы; возвращается и русскому-всеславянскому языку его историческое значеніе, и на Жмуди оны слышатся всюду, его понимаютъ даже дѣти; здѣсь перѣдко возносятся къ Богу молитва на русскомъ языкѣ и среди дѣтей звонко раздаются русскія пѣсни; является нынѣ православный храмъ и въ быломъ очагѣ самого лютаго латинскаго фанатизма. И существовать православному храму здѣсь, въ Ворне, суждено было самой исторіей и современной жизнью.

Тяжело было сознавать и видѣть, что беззавѣтно храбрые сыны Дона, являющіеся на западно-русскую окраину нести тяжелую службу Царю и Отечеству, оставались, живя на Жмуди вдали отъ православныхъ храмовъ, внѣ благотворнаго вліянія и назиданія Христовой Церкви. И вотъ, по благодати Божіей, мои многія и долги ходатайства передъ начальствомъ военнаго округа, наконецъ, были приняты.

Многопочетное о русскомъ воинѣ окружное военное вѣдомство ассигновало небольшую сумму и, при усердномъ содѣйствіи всего нашего славнаго полка, съ его достоуважаемымъ командиромъ, богоугодный храмъ устроенъ. Не обинуясь можно сказать, были употреблены все усилія, чтобы все сдѣлать въ храмѣ нашемъ возможно лучше и удобнѣе.

Считаю своимъ святымъ долгомъ засвидѣтельствовать нынѣ, что устроеніемъ сего храма мы обязаны въ особенности истинно-русскому сочувствію этому дѣлу со стороны глубоко-понимающаго государственныя задачи Россіи на ея западной окраинѣ, высокопочитаемаго инженернаго начальника В. А. Бѣльцова. Возблагодаримъ Всевышняго за вся!“

Усердно-благодарственнымъ молебномъ закончилось около 2 ч. дня мѣстное православно-русское торжество, оставившее неизгладимую память у всѣхъ самовидцевъ его.

Изъ церкви Пресвященный прошелъ въ офицерское полковое собраніе на завтракъ и по пути благословилъ выстроившіеся для парада полкъ. Откушавъ здѣсь чашку чаю, Владыка, при возвращеніи въ приготовленные для него покои, соблаговолилъ посѣтить помощника командира полка г. Исаева (супруга котораго Е. К. усерднѣйшая прихожанка; она не мало потрудилась надъ украшеніемъ храма къ его освященію).

Праздничную трапезу предложилъ собравшимся въ Ворне гостямъ командиръ полка г. Грековъ. Среди нихъ былъ и прибывшій на Ворненское торжество и для пріѣзства на границѣ своего уѣзда Тельшевскій уѣздный предводитель дворянства А. М. Шульцъ, всегда отзывчивый на всякое русское благое дѣло. За обѣдомъ игралъ хоръ военной музыки. Присутствующіе на немъ были въ искреннемъ восторгѣ, сознавая, что собрались въ центрѣ Жмуди справлять рѣдкій, можно сказать историческій праздникъ болъною русскою семьею со своимъ Архипастыремъ въ главѣ.

Пресвященный остался на ночь въ Ворне, чтобы на другой день выѣхать со свитою для освященія церкви въ г. Тельшахъ.

Редакторъ, Протоіерей Іоаннъ Котовичъ.

Вильна. Губернская Типографія.

Ивановскія у. № д. 11.

Дозволено цензурою.

Цензоръ Каѳедральный Протоіерей *Петръ Левинскій*.